

А. Ф. Маммери

**Мои восхождения
в Альпах и на Кавказе**

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА XII. ДЫХ-ТАУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Альпинисту предначертано судьбой рано или поздно пасть жертвой непреодолимой тяги к писательству. Бессмысленно простому смертному спорить с богами, поэтому я подчинился их повелению, за что получил достойное вознаграждение. Удовольствие, которое человек получает, когда бродит по бескрайним снежным полям, когда взбирается на зубчатый гребень, когда ныряет в первозданные леса кавказских долин, не идет ни в какое сравнение с потертым полотном памяти. И все-таки объединение эпизодов прошлого, в которых переплетены страх и смех, отчаянная борьба и безумное ликование от былых побед, окрасило множество зимних вечеров в цвета неповторимых альпийских закатов и еще туже затянуло узлы старой дружбы. Все это даже в какой-то степени снова вернуло меня в ту безумную юность, где не было места усталости и неудачам. В то время, когда травянистые склоны, камни или другие жизненные невзгоды не были помехой.

Вероятно, что за всеми этими историями про трещины и сераки, сильные бури и отличную погоду Вы не найдете знаний по топографии или естественным наукам или из какой-либо другой сферы. Честно признаться, у меня есть только самые расплывчатые представления о принципах работы теодолита¹. Что же касается мензулы², так само название этого прибора уже вызывает отвращение. Если Вы разделяете мое мнение, если Вы считаете, что альпинизм – это чистой воды игра, то эта книга именно для Вас. И гордость захлестнет автора, и величайшая миссия этой книги будет исполнена, если она в меркнувшем закатном свете приятных воспоминаний передаст радость и веселье солнечных выходных.

Я нахожусь в неоплатном долгу перед моими друзьями, любезно предоставившими свои рисунки и фотографии в мое распоряжение, и выражаю им самую искреннюю благодарность.

А. Ф. Маммери

¹Теодолит — измерительный прибор для измерения горизонтальных и вертикальных углов при топографических съемках.

²Мензула — полевой чертежный столик, состоящий из планшета, штатива и скрепляющей их подставки.

ГЛАВА XII

ДЫХ-ТАУ

Хотя и настоящий альпинист по своей сути является человеком, полностью одомашненным, и редко выходит за пределы своего места обитания – Альп, время от времени беспокойный дух берет над ним верх и несет его вперед в дальние края. Так, в начале июля 1888 года, охваченный этой внезапной жаждой к странствиям я оказался в лагере, расположенном на правом краю Безенгийского ледника. Здесь, в прохладе снежных полей, на склонах, усыпанных белыми рододендронами, окруженный молчаливыми вершинами, на которых еще не бывал ни один человек, я мог наконец отдохнуть от грохота и дребезжания поездов, шума закусовых и преследования таможни.

Моим единственным компаньоном был Генрих Цурфлю из Майрингена³. Опыта, полученного от десятидневного путешествия, кульминацией которого стали два с половиной дня тряски в крайне неудобном татарском⁴ седле – сначала мы отправились из Пятигорска в Нальчик и оттуда в Безенги к подножью ледника – хватило, чтобы сделать его убежденным пессимистом. «Es gefällt mir nicht⁵», - таков был припев в песне, которую он напевал по дороге. И хотя, возможно, в этой фразе содержатся все умозаключения современной философии, я убежден в том, что едва ли нечто подобное может быть в голове альпиниста, стоящего перед высочайшими непокоренными гигантами.

В лагере мы жили в самых настоящих спартанских условиях, потому что наш багаж остался далеко позади вместе с караваном. Я надеялся, что в рюкзаке Цурфлю лежат спальные мешки и консервные банки с супом, однако практически все, что там было – это огромная банка с наизловоннейшим жиром для смазки ботинок, привезти которую из Майрингена было задачей не из легких, огромный молоток, приличный запас гвоздей⁶ и нечто, сродни наковальне, чтобы уж точно забить каждый из них. Вне всяких

³Город в Швейцарии.

⁴Далее А. Маммери называет татарами горных проводников из местного населения.

⁵Мне это не нравится (нем)

⁶Речь идет об особом виде гвоздей, применявшимся в усовершенствовании горных ботинок в конце XIX – начале XX вв. Короткие гвозди с толстой продолговатой шляпкой вбивали в подошву ботинка, создавая таким образом шипы.

сомнений, все это представляло огромную ценность, но едва ли эти вещи можно было использовать в качестве постельных принадлежностей, потому что не нужно быть сибаритом, чтобы считать, что мешок гнутых гвоздей, в отличие от лепестков роз, имеет мало общего с матрасом. К счастью, у энергичного местного, которого мы встретили и наняли перед тем, как отделиться от всего каравана, за плечами были куски баранины, огромная буханка русского хлеба и вязанка дров.

Ночью было необыкновенно холодно, поэтому ранний подъем в четыре часа утра был радостен, и мы начали предварительное изучение нашего маршрута. Однако вскоре я понял, что у Цурфлю были более амбициозные планы – им овладела безумная идея взойти на вершину высотой 5198⁷ метров в качестве тренировки! И все-таки мне было очень интересно узнать, что же находится там, за ледником Миссес, поэтому я перестал сопротивляться и последовал за стремительно удалявшимся напарником. Мы держались длинного кулуара, который был отделен от невысокого скального гребня ледником Миссес. После подъема по кулуару, мы должны были пересечь ледник, но нам не понравилась длинная цепь снежных склонов, ведущих к тому гребню. Кроме того, нам показалось (я уверен, ошибочно), что там меж скал поблескивал лед. В результате, мы оставили скалы слева от нас и примерно в восемь часов утра достигли того места, откуда можно было уйти траверсом на крутой склон. Но моя голова все еще раскалывалась от свиста поездов, а мышцы все еще не окрепли после жизни в Англии и болели, поэтому я не смог оказать должную моральную поддержку своему лидирующему напарнику. Цурфлю взглянул на этот траверс и, казалось, не очень беспокоился о том, как его сделать. Он думал лишь о том, что дальнейший подъем по тому склону может затянуться надолго. Цурфлю пристально посмотрел на гребень, ведущий к вершине, и воскликнул: «Да он бесконечный!». Я более чем убежден, что как уверенный в своих силах господин он бы без промедления пошел навстречу трудностям, и благодаря его мастерству, быстроте и силе мы бы дошли до вершины, если бы я на время не принял на себя пагубную роль критика. «Уже поздно, – заметил я, – а ночевка на гребне ожидается прохладной, да и траверс вместе с этим склоном

⁷В оригинальном тексте А. Ф. Маммери приводит высоту 17054 футов, что соответствует 5198 метрам.

выглядят довольно камнеопасно». Однако соображал я едва ли быстрее, чем двигался, поэтому вместо того, чтобы объявить о немедленном отступлении, я медленно последовал вперед за Цурфлю, который хотел, взобравшись по скале, посмотреть, есть ли возможность траверсировать где-либо еще. Такой возможности не оказалось, и в девять утра мы начали спуск.

Мы спускались по кулуару глассером, уходя вниз на триста метров или даже больше за один раз. Спустя несколько недель, к тому моменту, когда господа Вулли, Холдер и Коккин⁸ дошли до Миссес-кош⁹, кавказское солнце не оставило практически ни одного атома снега в этом месте.

Когда мы вернулись, то, к сожалению, обнаружили, что наш лагерь до сих пор не доехал, и поэтому нас ожидала еще одна холодная, без единого намека на комфорт, ночь. На следующее утро Цурфлю нездоровилось, а я с энергией, присущей альпинисту-любителю, отправился изучать подходы с южной стороны Дых-тау. Так в одиночестве скитаясь, я наткнулся на стадо из семнадцати горных козлов и от страха забрался на крайний юго-западный контрфорс. К слову, он заслуживает особого названия, так как от горы его отделяет широкая седловина, и подняться на него можно только лишь по длинному и не самому простому гребню. Его высота примерно 4100 метров или, возможно, больше, и с него можно рассмотреть перевал Цаннер¹⁰, ведущий в Сванетию, и перевал Шхара со стороны ледника Дых-су. Однако все мое внимание было приковано к Дых-тау. Отсюда было видно, что у горы две вершины, и мне казалось практически невозможным определить, какая из них выше. Высокая башня справа, которая явно находилась немного позади, казалось, вполне могла быть тем самым кульминационным моментом восхождения. Эти сомнения и тот факт, что на горе все еще лежало много снега, вынудили меня пройтись по перевалам, которые вызывали у меня большой интерес еще до того, как совершить попытку восхождения. Ведь проблему поиска главной вершины

⁸Английские альпинисты Г. Вулли, Х. Холдер и Дж. Коккин в том же 1888 г. проложили собственный маршрут на Дых-тау, ныне классифицируемый как 4Б.

⁹Миссес-кош — стоянка под вершиной Миссес-тау. Расположена на левом берегу Безенгийского ледника на морене, приблизительно в трех километрах от существующего ныне алылагеря «Безенги».

¹⁰Цаннер — общее название двух горных перевалов через Главный Кавказский хребет: Верхний Цаннер и Нижний Цаннер. Расположены на границе Кабардино-Балкарии и Грузии, между вершинами Ортокара и Ляльвер.

можно было решить, посмотрев издалека, а снег, вероятно, немного растаял бы под действием неумолимого хода времени и солнца Кавказа. Удача мне улыбалась, и когда я вернулся в Миссес-кош, то увидел, что наши вещи наконец были на месте, а Цурфлю был снова готов к работе.

Следующие две недели были посвящены прогулкам по долинам Балкарии, Сванетии, Башиль-су и Чегема. Возвращаясь из Чегемской долины через перевал, ведущий в Тюбенели, мы вышли к Безенгийскому леднику. Когда мы подошли к его подножью, густой туман, сырость и свежее молоко оказались достаточно убедительными, чтобы остановиться в пастушьем коше, и мы растянули палатку около огромного валуна. Ночью какой-то козел принял нашу палатку за камень, спрыгнул с валуна прямо на крышу и провалился, напугав ее обитателей. И хотя я ручаюсь за то, как себя поведет палатка такой модели на открытой полке при штормовом ветре, следует отметить, что это не сравнится с атакой непутевого козла. После долгих усилий мне и Цурфлю все-таки удалось выбраться из-под этого завала и заново отстроить наши хоромы, которые при свете утреннего солнца оказались убогим мешковатым шалашом, сильно нас дискредитировавшим. За завтраком наш носильщик-татарин дал нам понять, что на левой стороне ледника, практически напротив Миссес-кош, есть хижина – почти дворец – где все прелести жизни и даже больше будут к нашему распоряжению. Погода не предвещала ничего хорошего, и Цурфлю убедил меня пойти в эту Капую¹¹ от мира гор, где, как он мудро заметил, мы могли бы подождать, пока не установится погода, достаточно хорошая для нашей великой экспедиции. Этот план звучал так превосходно, что мы тотчас собрали палатку и отправились в путь. Вскоре я начал замечать признаки соперничества, которые проявляли Цурфлю и татарин по отношению друг к другу, что в дальнейшем переросло в соревнование по ходьбе за честь их народов, убеждений и обуви. У меня не было никакого желания присоединиться, поэтому они быстро скрылись из виду. По своему неблагоразумию, следуя тем указаниям, которые дал мне Цурфлю и которые по его же утверждениям были точным переводом слов татарина, я пытался пройти по левой морене. Спустя некоторое время, когда я оказался напротив обрыва, эта гряда

¹¹Капую – город и крепость в Южной Италии. Во французском языке есть выражение «капуанская нега» (Les délices de Capoue), означающее легкие радости и расслабление.

обломков, изрезанная глубокими ручьями, стала доказательством того, что переводчик из Цурфлю не очень хороший. После кое-каких неприятных моментов, если не сказать опасных, мне удалось добраться до ледника, и я весело зашагал по его ровной поверхности. Однако задолго до этого на долину опустился густой туман, наводящий на мысль о том, что у меня есть шанс не найти хижину, потому что насчет того, где она находится, у меня были самые размытые представления. Боясь пропустить ее, я пошел через запутанную систему трещин слева, а затем обнаружил пустующее горное пастбище, которое решил изучить. Оказалось, что под огромным валуном была отличная пещера. Там, где не хватало естественных стен, кто-то умело сложил их из камней. В самой пещере было просторно, чисто и сухо. Вне всяких сомнений, это лучшее пристанище во всем Безенги. Однако овец на выгоне не было так же, как и не было там признаков присутствия Цурфлю, пастуха или носильщика, поэтому я, терзаемый чудовищными сомнениями, был вынужден снова отправиться на лед. После упорной борьбы и множества вырубленных ступеней я дошел до второго оазиса. Как и предыдущий, он показался мне безлюдным, и я уже было начал думать, что стоит вернуться в пещеру, обнаруженную мной ранее, как вдруг, обойдя скалу, я услышал приятное блеяние овец, и Цурфлю практически бросился ко мне с распростертыми объятиями. Он очень беспокоился за меня. В своем понимании слов татарина он был еще более далек от истины, и поэтому вышел к серакам в том месте, где они были наиболее неустойчивы и опасны. Полагая, что этот ужас – единственный возможный путь, он, разумеется, сделал вывод, что со мной, должно быть, уже случилось что-нибудь неладное.

После того, как мы успокоили друг друга, я попросил Цурфлю отвести меня в эту хваленую хижину. Сначала мы испытывали некоторые трудности, пытаясь определить ее местоположение, но вскоре пастух пришел к нам на помощь и отвел нас к какому-то черному пятну напротив отвесной скалы. Это черное пятно обозначало то место, где он разжигал огонь в те редкие случаи, когда у него были дрова. В настоящий момент, объяснил он, дрова отсутствовали. Ничего другого, что бы могло претендовать на роль жилища, вокруг не было. Не было даже нашей маленькой палатки, которую нес татарин, да и сам татарин где-то растворился. Цурфлю уже, в самом деле, склонялся к тому, что тот, скорее всего, покоится в одной из трещин, но я, убедившись в его мастерстве, был вполне

уверен, что он не мог выбрать такой способ знакомства с райскими девами. Мга окутала все вокруг. Подветренная сторона скал была такой же сырой, как и наветренная, а мы вымокли так, что даже самые неисправимые весельчаки на нашем месте бы пришли в уныние. Вдобавок, в качестве ужина мы могли рассчитывать только на одну из окружающих нас резвых овечек, но превратить живую овцу в готовый кусок баранины при отсутствии огня – задача довольно сложная. Мы с горечью вспомнили Миссес-кош, где в пещере были надежно спрятаны палатка из виллисденского брезента¹² и хороший запас топлива. Я даже предложил вернуться, но Цурфлю наотрез отказался еще раз иметь дело с сераками, пока туман не рассеется. Однако через час печаль сменилась радостью, ибо мы заметили, как по травянистому склону пытается подняться охотник, узнать которого можно было лишь по широким плечам, видневшимся из-под огромной вязанки поленьев. Кажется, когда ему стало понятно, что здесь нет дров, он положил свои вещи в сухую яму под камнем, вернулся в Миссес-кош и принес наши припасы оттуда. Сильный и добрый поступок, сделанный без ожидания награды, для тех, кто ничего от него не ждал. Овцу быстро догнали и закололи, и вскоре мы уже сидели вокруг потрескивающего костра, наблюдая за тем, как шипит мясо, нанизанное на длинные деревянные штычки. От вида этих сочных кусочков в ореоле танцующего пламени я воспрял духом. На мой вопрос, станет ли завтра погода лучше, охотник дал, как мне показалось, вдохновляюще благоприятный ответ. Однако Цурфлю не был этим удовлетворен, он отказался признать мой перевод слова «якши»¹³, выказав беспощадное презрение к моим попыткам говорить по-татарски.

На следующее утро его пессимизм казался оправданным, потому что туман стал гуще, чем когда-либо. И все же охотник на все расспросы так же отвечал «якши»¹⁴, поэтому, вопреки желанию Цурфлю, мы собрали лагерь, и примерно в полдень татарин повел нас по великолепной тропе сквозь туман. Пастух тоже согласился

¹²Виллисден – область в Англии, с 1965 г. входящая в административные пределы Лондона. Альпинисты XIX в. использовали палатки из виллисденского брезента для своих экспедиций. Такую двухметровую палатку упаковывали в мешок длиной 44 дюйма (ок. 111 см.), конечный вес которого вместе с запасными кольшками и т.п. был равен почти 13 кг. «Mountaineering In The 1880s – The Correct Equipment and Outfit» С. Т. Dent.

¹⁴Хорошо (татар)

присоединиться к нашей группе, поэтому мне выпала честь испытать редкое удовольствие идти налегке. После того, как мы поднялись выше, стало понятно, почему у Цурфлю вчера возникли трудности. Охотник, видимо, хотел подняться к леднику вдали от сераков, а затем вернуться к хижине по тропе, по которой мы шли сейчас. Однако Цурфлю, признавая тот факт, что уходит по леднику слишком высоко, повернул вправо и в непроглядном тумане прошел это место по наилучшему пути из возможных. Разумеется, охотник не показал белого пера¹⁵ неверующему и проследовал за ним.

Мы оставили сераки в стороне и без труда вышли на горизонтальный ледник. По дороге мы нашли отличные рога, некогда принадлежавшие какому-то горному козлу, и которые, я уверен, сейчас украшают дом Цурфлю в Майрингене. Пока охотник пытался решить проблемы с обувью, мы сделали привал после подъема на небольшой склон, выводящий на длинную ровную морену, которая в этом месте представляет собой наиболее удобный путь. Однако ботинки были безнадежно сношены в наших предыдущих экспедициях, а вид собственных кровотокающих ступней просто выводил татарина из себя. В конце концов, он швырнул эти остатки кожаных сандалий в трещину и всем своим видом показал, что намеревается вернуться домой. Клянусь, у него были на то причины. Я знаю, что морена испытывала нрав даже самых подготовленных членов Альпийского клуба¹⁶, что же тогда можно ожидать от «бедного, погруженного во тьму язычника»¹⁷? Мы попробовали уговорить его пойти дальше, но даже самая грубая лесть не была способна повлиять на его решение (возможно, потому что он не мог понять ни единого

¹⁵Показать белое перо – проявить трусость. Белое перо – традиционный символ трусости в странах бывшей Британской империи и, в особенности, в Британской армии. Наиболее известной была практика вручения белых перьев мужчинам, не участвующим в военных кампаниях, как знак обвинения в трусости и социального порицания.

¹⁶Альпийский клуб был основан в Лондоне в 1857 году и стал первым в мире альпинистским клубом. Благодаря усилиям его участников была создана первая сертифицированная веревка для альпинизма, которая бы удовлетворяла и стандартам прочности, и веса. До 1974 года членами этого клуба могли быть только мужчины. В разные годы его президентами были такие известные альпинисты, как К. Т. Дент (1886 – 1890), на чью книгу мы уже ссылались, поясняя понятие «палатка из виллисдентского брезента», и Д. Фрешфилд (1893 - 1896), чьим именем назван один из пиков в Безенгийском ущелье.

¹⁷Выражение «бедный, погруженный во тьму язычник» принадлежит Ч. Х. Сперджену (1834 – 1892) – английскому проповеднику и богослову, чьи богословские комментарии тиражировали в широких масштабах. Его проповеди пользовались большой популярностью, поэтому в прессе он получил прозвище «король проповедников».

нашего слова). С помощью жестов и одного случайного слова мы намекнули ему на то, что он не получит деньги, если не сделает свою работу, на что получили ответ – также жестами, сопровождаемыми абсолютно неразборчивым набором звуков – что он и не ожидал, что ему заплатят. Эти попытки наладить диалог не удовлетворили ни одну из сторон, к тому же заняли много времени. В результате только в пятом часу мы перераспределили все наши вещи. К счастью, к тому моменту туман стал рассеиваться, и на фоне безоблачного неба показались сверкающие на солнце гребни Шхары.

Распрощавшись с мореной, мы повернули налево и начали бесконечный подъем по серакам и камням. Когда я боролся с очередным склоном, пастух сжалился надо мной и настоял на том, чтобы я отдал ему свой рюкзак вдобавок к тому грузу, который он нес до этого. И, несмотря на все это, он все еще был в состоянии подниматься вверх и показывать нам дорогу. Этот человек был прекрасным олицетворением силы и превосходного чувства баланса. Примерно в шесть часов мы достигли наивысшей точки, где, как нам казалось, должна быть вода. Наверху больших снежных и осыпных склонов располагался маленький ледник, выше которого была седловина, отделявшая гору от большого контрфорса, на который я поднимался двумя или тремя неделями ранее. Мы вырубili отличную площадку под нашу палатку, разожгли огонь, порадовали себя горячим супом, английским бисквитом и кавказским маслом. Перед нами стояли величественные стены Шхары и Джанги, покрытые угрожающим льдом и уходящие высоко вверх в теплый бледноватый воздух, оставляя внизу молчаливый ледник, мрачневший во тьме и холоде, по мере того, как обволакивающий вечерний туман медленно окутывал его склоны. Позади нашей палатки возвышались великолепные крутые стены Дых-тау. Что-то есть в этих гигантских непокоренных вершинах, особенно когда смотришь на них в лучах закатного солнца. Что-то необыкновенно торжественное и серьезное одновременно. Остричь на эту тему было бы профанацией. И ты глядишь на эти потрясающие отвесные стены с чувством сродни тому, что испытывал паломник во времена Средневековья в каком-нибудь святом храме. Длинные косые тени падали на их грани, подчеркивая кулуары, зубчатые гребни, обледенелые скалы и бесконечные равнодушные гранитные плиты. Мы наметили маршрут от расщелины до кулуара и от кулуара до гребня, ведущего к крутой гладкой стене, про которую Цурфлю как

человек набожный сказал: «Бог нам в помощь». Мы любовались тем, как на ее верхней части переливаются мерцающие лучи солнца, побрели в свое пристанище и забрались в спальные мешки. Куда более закаленный татарин отказался занять предложенное ему место рядом с нами и, вымыв голову, руки и ноги, как предписывает его вера, лег снаружи под большой скалой (возможно, под той же самой, где несколько недель спустя стояли господа Вулли, Холдер и Коккин). Цурфлю с грустью смотрел на все это, будучи уверенным, что тот под порывами безжалостного ветра замерзнет до смерти еще до того, как наступит утро. В час ночи Цурфлю, который не спал на случай, если придется оплакивать медленную и жалкую смерть татарина, вылез из палатки, чтобы узнать, как этот процесс продвигается. Несколько минут спустя он, стуча зубами, но, тем не менее, с неподдельным восторгом на лице и в голосе заявил, что татарин не просто жив, а выглядит так, будто наслаждается сном на свежем воздухе (да еще и без ботинок)! Груз ответственности упал с плеч Цурфлю, и он вступил в затяжную борьбу за огонь. Чтобы здешняя древесина горела, ее надо долго уговаривать, а в час ночи она бы и испытала терпение святого праведника, и поставила бы под сомнение мастерство самого дьявольски искусного кочегара. К несчастью, маленький ручеек, который мы до этого считали неиссякаемым запасом воды, полностью замерз, поэтому нужно было приниматься за утомительный процесс растапливания льда. Мои ботинки также замерзли, и попытка надеть их оказалась самым сложным и, безусловно, наиболее болезненным моментом нашей экспедиции. Однако эти незначительные трудности в конце концов были преодолены, и мы смогли насладиться горячим чаем с бисквитами в нашей теплой палатке. Чуть позже, чем в половину третьего, мы начали восхождение и медленно побрели вверх к небольшому леднику по хрустящему снегу. Мы пересекли его и по склонам дошли до седловины по тому же пути, по которому я шел к юго-западному контрфорсу. Подойдя к нему, мы резко повернули направо и, пройдя одну или две полуразрушенные башни, вышли прямо к стене. Мы лезли вверх, при этом хорошо забирая вправо, и достигли неглубокого кулуара, где местами еще лежал грудями полурастаявший снег. Один такой кусок после удара ледорубом Цурфлю отвалился, и я получил очень сильный ушиб головы, руки и колена. Благо я был недалеко от напарника, и все же, еще минута или две, и я не знаю, что бы тогда случилось. Будь нас в связке трое или четверо, последствия вряд ли могли бы быть серьезными. Я знаю, что

принято считать, что двойка – это слишком маленькая группа для серьезных восхождений. Тем не менее, на разрушенных скалах, где подмороженный снег едва держится на полках и скальных выступах, двойка имеет преимущество, и, насколько я могу судить, это практически идеальный вариант. К счастью, пятиминутный отдых снова сделал мои мысли предельно ясными, и мы покинули этот дрянной кулуар, все так же дальше забирая вправо, прямо над разрушенными скалами и осыпями. Так как мы двигались довольно быстро, в семь утра мы уже были около большого рыжего скального массива. Мистер Донкин¹⁸ говорил, что до этой отметки он и мистер Дент некогда поднимались во время своей попытки восхождения. Мы продолжили без остановки, постоянно уходя правее, чтобы попасть в меньший из двух кулуаров, которые были хорошо видны из нашего лагеря. Этот кулуар ведет к стенке по направлению к юго-западному гребню в непосредственной близости от вершины. Вчера вечером Цурфлю постановил, что она покрыта снегом, а скалы по большей части обледенели и определенно представляют собой трудность, и нам казалось, что лучше подойти к ним как можно скорее. Когда же мы наконец к ним подошли, то одного взгляда хватило, чтобы понять – склон намного круче, чем мы предполагали, и снег, простите, был льдом. В результате, мы шли по скалам до тех пор, пока можно было хоть на сколько-нибудь продвинуться вверх, и только тогда, когда подъем всего лишь на несколько десятков сантиметров уже стоил драгоценных минут, мы вернулись в кулуар.

Чересчур придирчивые альпинисты иногда намекают мне на то, что я имею привычку вырубать ступени довольно далеко друг от друга. Видели бы эти господа лестницу, которую сделал Цурфлю. У него есть странное обыкновение рубить ступени только под левую ногу. Правой ногой он твердо стоит на абсолютно гладком льду, а затем, изогнувшись, прыгает и переставляет левую ногу с одной надежной ступени на другую, находящуюся примерно в двух метрах от предыдущей. Он любезно показал мне, как это делается, и

¹⁸Уильям Донкин – британский альпинист, фотограф, один из пионеров альпинизма на Кавказе. Вместе с Клинтоном Дентом в 1886 году совершили восхождение на Гестолу. У. Донкин, Г. Фокс и два швейцарских гида погибли в 1888 году при попытке первопрохождения маршрута на Коштан-тау. Однако их тела не были обнаружены. Из-за чего существуют разные мнения, касательно того, на какую гору была совершена попытка восхождения – Дых-тау или Коштан-тау. По мнению Д. Фрешфилда, одного из президентов Альпийского клуба (1893 – 1896), этому способствовала путаница в названиях гор Коштан-тау и Дых-тау, существовавшая в то время.

настоятельно рекомендовал попробовать, ссылаясь на то, что этим можно сэкономить много времени. Однако, так как любая, даже пустяковая, ошибка привела бы к несвоевременному знакомству с ледником внизу, я решил рубить еще и промежуточные ступеньки. Но даже тогда перебраться с одной на другую было для меня каким-то труднейшим гимнастическим трюком. К счастью, всего каких-то двадцать минут этих интенсивных упражнений, и мы уже в том месте, где можно выйти из кулуара на склон справа от нас. Затем по твердым крепким скалам мы радостно поднялись к широкому второстепенному гребню. Этот гребень разделяет южную сторону горы на две хорошо различимые части: с востока – это большой кулуар, который идет от седловины между двумя вершинами к самому основанию горы, от которого в сторону Мижирги-тау тянутся бесконечные контрфорсы и желоба, а с запада – менее разрушенные скалы, идущие до юго-западного гребня. Мы обработали этот второстепенный гребень, двигаясь то по одной, то по другой его стороне, пока не остановились там, где он резко берет вверх, образуя крутой скальный взлет, который, как стрелка каких-то гигантских солнечных часов, бросал длинные тени на склон горы. Было очевидно, что сейчас нам предстоит очень серьезно поработать, поэтому мы сделали привал и хорошенько перекусили. Мы засунули в рюкзак остатки наших припасов и положили его под большой камень.

После изучения скалы справа от нас Цурфлю пришел к выводу, что с той стороны пройти нельзя. Поэтому мы обратили внимание на скалы слева, и через некоторое время уже траверсировали огромную плиту, цепляясь за мелкие трещинки и отколы. К счастью, вскоре стало возможным двигаться вверх, и мы, в основном на доверии к кончикам собственных пальцев и подошвам ботинок, снова вылезли на гребень, оставив позади вершину гномона¹⁹ тех самых солнечных часов. Поначалу он был практически горизонтальным и необычайно острым. Острым настолько, что мы были вынуждены прибегнуть к способу, который так любят иностранные альпинисты со страниц иностранных изданий, и передвигаться с помощью рук, а ноги в это время свисали по обеим сторонам гребня для равновесия. Между этим «ножом» и основным массивом горы была расщелина глубиной четыре с половиной метра. Цурфлю спрыгнул на удобную снежную полку и жизнерадостно пошел дальше. Через некоторое время к

¹⁹Гномон – часть солнечных часов, по тени которой определяют время.

расщелине подошел я и прыгнул, как я наивно полагал, точно так же, однако полка не проявила любезности и съехала в маленький кулуар слева, и немного запыхавшемуся господину пришлось изо всех сил цепляться за нечто, выдававшееся из расщелины, похожее на балюстраду. К счастью, это происшествие осталось без внимания профессионального альпиниста из нашей группы. Я говорю «к счастью», потому что *моральное состояние* лидера – зачастую нежный цветок, требующий бережного ухода и защиты от неблагоприятных воздействий.

Наконец мы были наверху. Гестола, Тетнульд и Джанги были намного ниже нас, и даже нависающие массы снега на гребне Шхары нам не угрожали. Как на зло, над этим большим гребнем собрались не предвещавшие ничего хорошего тучи, и время от времени яростные порывы штормового ветра с юга отрывали от них облака и несли их в нашу сторону. Некоторые из этих облаков проплывали над нашими головами, закрывая от гостеприимного солнечного тепла. Другие, потяжелее, в очередной раз запутывались во множестве гребней внизу, сглаживая их острые зубчатые грани и предупреждая нас, что в любой момент все склоны вокруг могут скрыться за пеленой непроглядного тумана.

Стена, находящаяся выше, выглядела устрашающе. И хотя я старался притворяться, что уверен в успехе, я вообще не мог представить, как идти дальше. Однако Цурфлю – человек, который в состоянии справиться с такими непредвиденными ситуациями, и более того, исключительно хорошо лазает. Он оправдал ожидания и поклялся вечными богами, что второй раз нас уже не сбить с толку. Пока он искал хорошую линию атаки, я отвечал на крики пастуха, который рано утром поднялся на седловину и, с большим интересом наблюдая за нашей работой, провел весь остаток дня на этом обдуваемом всеми ветрами месте.

Цурфлю после тщательного изучения рельефа решил, что нам нужно снова уйти траверсом влево. Мы медленно полезли по большой скальной стене, цепляясь за выступающие отколы и абсолютно неприятные полочки, пока не достигли того места, где мы после напряженных усилий смогли перебраться через своего рода нависание. Выше него было менее круто, а также были надежные зацепки в виде нескольких трещин и отколов. Однако вскоре появилось второе, более отвратительное, если так можно выразиться,

нависание. После того, как я посмотрел, какие элегантные позы принимает Цурфлю и как он задыхается, отчаянно борясь с препятствием, меня осенило, как говорят Плимутские братья²⁰, что восхождение на вторую вершину Кавказа нельзя совершить без веревки. Не будет ли это противоречить всем правилам безопасности, установленным на чемпионатах Англии? Не может ли это быть воспринято даже как наслаждение надругательством над нашей горой? Я осторожно поделился с Цурфлю своими опасениями. «Ты поднимешься, и мы свяжемся, или мне спустить веревку?» – спросил он. По какой-то неизвестной причине его лицо озарила широкая улыбка, и он настоятельно порекомендовал выбрать первый вариант, указывая на то, что на полочке, где я ютился, было абсолютно неудобно проводить какие-либо операции с веревкой. Несмотря на этот совет, я решительно выбрал второй, и когда веревка спустилась, я успешно справился с трудной задачей ее обвязать. А затем произошел удивительный феномен, который должен быть зафиксирован: еще мгновение назад я мог присягнуть перед любым судом – и был бы рад это сделать в том случае, если суд, как это обычно бывает с судами, находился бы на одном уровне с дающим показания – что стена передо мной была абсолютно вертикальной. Но стоило только мне крепко привязаться к веревке, как стена, упомянутая выше, стала достигать всего каких-то жалких шестидесяти градусов!

После этого мы смогли обойти прямое ребро по стене со стороны второй вершины и рассмотреть склоны Коштан-тау, простреливаемые ледяными глыбами. Мы были намного выше седловины между двумя вершинами – в самом деле, мы находились практически на уровне Восточной вершины. У меня все время были опасения по поводу этой части восхождения, и именно поэтому я без особого восторга смотрел на длинную трещину, уходящую вверх, по которой, казалось, практически невозможно было залезть. Я не уверен, что на эту стену вообще можно было залезть как-нибудь еще, кроме как по этой трещине или разлому. Упираясь локтями и спиной в одну сторону, а коленями – в другую, мы быстро продвигались вверх. Восточная вершина вскоре оказалась далеко внизу, и мы приветствовали ликующими криками появление дальних снегов выше нее. Затем Цурфлю нырнул в темную дыру позади какого-то камня, который

²⁰Плимутские братья – консервативная религиозная группа протестантской направленности, образовавшаяся в первой четверти XIX века на территории Англии и Ирландии.

клином застрял на нашем не очень широком пути. Как же отчаянно ему пришлось извиваться, чтобы протиснуться в эту узкую щель. После этого нам нужно было отойти от трещины на метр или на два и вскарабкаться по большой плите. Потом мы снова вернулись в нашу трещину и лезли все время вверх, пока наконец не вышли на гребень. Я сказал «на гребень»? Нет. На самую вершину. Все горы в Европе, кроме Эльбруса, были у нас под ногами, и с такой дозорной башни высотой в 5198 метров мы наблюдали за этим вращающимся миром. Я повернул налево и через несколько шагов оказался у того самого кульминационного момента восхождения, и опустился на разрушенную вершину горы. Над Шхарой мантией чернели громадные тучи, а гребень Джанги был окутан плотными спутанными облаками, белизной сверкающими сверху и недобро темнеющими внизу. Белоснежные доспехи Коштан-тау сияли вопреки черным сгущающимся тучам. Только над Эльбрусом не было ни облачка, и из-за его величины казалось, что он так близко, что Цурфлю с пренебрежением усмехнулся над моим утверждением, что между нами и Эльбрусом расположены перевалы, по которым мы ходили из Муджаля в Башиль-су. Он настаивал и до сих пор так думает, что Эльбрус находится рядом с Тихтенгеном, поэтому я бросаю вызов всем геодезистам Священной Российской Империи, чтобы они доказали Цурфлю, что он не прав. При взгляде на снег возникало подозрение, что гора действительно довольно далеко, но из-за ее огромного размера и высоты расстояние казалось незначительным, поэтому я не удивлен тем, что он ошибся.

Так как я отказался уступить свое место на самой высокой точке, Цурфлю ничего не оставалось, как построить свою немного внизу. В ее создание он вкладывал всю душу, поэтому под его опекой, она все увеличивалась и крепла, пока гордо не возвысилась на несколько десятков сантиметров над вершиной-соперницей и не нарушила первенство, сохранявшееся последние несколько тысяч лет. Спустя сорок пять минут отдыха под яростными порывами ураганного ветра мы поняли, что вполне готовы к спуску, и в одиннадцать тридцать мы покинули вершину. Мы с грохотом пронеслись вниз по трещине и без особых трудностей вернулись на южную стену. Однако затем я отличился, потеряв дорогу, после чего получил формально более важную роль замыкающего. Цурфлю мастерски вышел на линию полка и трещин, по которым мы поднимались, и мы должным образом спустились на острый горизонтальный гребень. Окрыленные

успехом, мы смело зашагали по нему вместо той недостойной техники, которую применяли утром. Вскоре после этого Цурфлю последовал моему дурному примеру и потерял правильную линию спуска. Мы видели скалу, за которой был надежно спрятан наш рюкзак, и наши следы были на небольшом снежнике прямо над стеной, но мы не могли понять, как мы попали из одной точки в другую. В конечном счете, мы были вынуждены спуститься невиданным до этого способом по малюсенькой щели, которая была настолько узкой, что туда можно было засунуть только пальцы. Внизу она широко раскрывалась, и чтобы достичь основания, нужно было прыгнуть далеко вбок. Цурфлю перебрался с помощью веревки и сказал, что как только я перейду на другую сторону, он поймает меня и закрепит. Я на всю жизнь запомню, как я спускался по этой трещине, то изо всех сил вытягиваясь вверх, то наклоняясь вниз. Всем, за что я мог зацепиться острием ледоруба, был какой-то маленький нарост, и после того, как я перенес свой вес на него, я качнулся по направлению к Цурфлю. Еще мгновение, и он уже обхватывал мои колени с таким благоговением, что я почувствовал себя Святым пророком, спустившимся с сияющей горы в объятия какого-то праведника.

На этом наши трудности почти закончились. Через несколько минут мы дошли до нашего рюкзака и съели все, что там было. Наш носильщик все так же находился на седловине, наблюдая за нами. Цурфлю по обыкновению, свойственному швейцарцам из высших кругов, заявил, что тот точно съел все припасы в лагере. Тем не менее, мы ответили на его крики громким йодлем²¹ и победоносно замахали ледорубами. Наш ланч подошел к скорому завершению, так как запасы провизии абсолютно иссякли, мы сложили веревку в пустой рюкзак и продолжили спуск. Мы двигались очень быстро, пока не подошли к кулуару. Лед там был такой рыхлый и так плохо держался на скалах и склоне, а сам кулуар, очевидно, полностью простреливался падающими камнями, что мы единогласно оставили идею спускаться по нашему утреннему пути. У меня сложилось впечатление, что даже Цурфлю не особо понравилось спускаться по этой замечательной лестнице, по которой мы поднимались, не говоря уже о других

²¹Йодль – техника пения без слов с использованием грудного и фальцетного голосов. Альпийские пастухи таким образом обменивались информацией на больших расстояниях. Петть йодлем лучше всего в горах, где есть эхо, потому что оно подхватывает и усиливает звук, разнося его на многие километры. Сейчас пение в технике йодль является направлением в швейцарской народной музыке.

недостатках этого пути. После того, как мы пересекли кулуар, мы уперлись в скалы и вскоре обнаружили несколько крутых залитых льдом каминов, по которым смогли аккуратно и медленно слезть. Вернувшись на наш утренний путь подъема, мы быстро и весело спустились до пояса рыжих скал. Тот факт, что новая вершина была в кармане, придает сил и скорости даже тому, кто этими качествами не отличается, и я как можно быстрее шел за Цурфлю. Вскоре наш носильщик пришел к выводу, что самая интересная часть представления закончилась, встал и начал осторожно спускаться по склонам. Спустя некоторое время Цурфлю охватило желание показать татарину, с какой легкостью нужно траверсировать склоны, и он, думая, что больше не собьется с пути, бросился к седловине со скоростью и изяществом искусного охотника на серн. Когда человек безнадежно отстает от своего компаньона, он обязательно испытывает огромное удовольствие, наблюдая за тем, как тот самый компаньон проходит мимо наиболее легкой линии спуска. Это удовольствие испытал я, видя, как Цурфлю после седловины пошел по тому же пути, по которому мы поднимались утром. В ходе моего прошлого разведывательного восхождения я выяснил, что там есть удобный снежный кулуар, по которому можно очень быстро спуститься глиссером. Дойдя до этого скоростного шоссе, я съехал вниз к небольшому леднику. Перебежав его, я удобно уселся на свою шляпу и скатился по склонам практически прямо в палатку, где Цурфлю все еще вытряхивал снег из своих карманов.

Носильщик встретил меня громкими криками: «Аллах иль Аллах! Минги-Тау! Аллах! Аллах!»

Вскоре мы обнаружили, что вместо того, чтобы съесть все наши припасы, носильщик не съел и корочки хлеба. Мы настаивали на том, чтобы он перекусил, пока варится суп (хотя скорее – позавтракал), но он отказался и как будто бы совсем не торопился обедать. То, как он умело развел костер из этих гнусных дров, отвлекаясь лишь на то, чтобы наградить меня очередным признательным похлопыванием по спине, заслуживало похвалы. Было не поздно – четыре часа дня, и Цурфлю выразил сильное желание снять лагерь и спуститься. Но прелести коша не возбуждали во мне энтузиазм, и я отказался двигаться. В самом деле, одно из главных достоинств путешествий на Кавказе – это именно то, что здесь не нужно утомительно брести по осыпям, неровным ледникам и моренам и испытывать ужасы

постоянного возвращения в отель. Можно расположить лагерь с комфортом практически в любом месте, и если у Вас появилось желание сесть и побездельничать, то Вы, соответственно, заканчиваете работу на этот день и откладываете осыпи и морены на это прекрасное время – завтра. На самом деле, это редкое удовольствие – иметь возможность вот так сидеть слегка за полдень и смотреть на гигантские стены, среди которых ты бродил, не думая ни о спешке, ни о моренах, ни о темноте.

К вечеру скопившиеся облака разразились грозой, и осыпи, что вели вниз от нас прямо до ледника, покрылись снегом и градом. Затем появилась луна, отодвинула занавес, и величественные, сияющие ослепительной снежной белизной, гребни, как зрители в театре, смотрели на нас, стоящих на бескрайней темной сцене Безенгийского ледника. Вечер был безветренный и относительно теплый, и только практически в полночь мирный сон Цурфлю был потревожен борьбой дрожащего господина из Швейцарии со спальным мешком.

На следующее утро мы спустились по леднику к Миссес-Кош, собрали свои вещи и побрели в Тюбенели. В Нальчик завезли свежие продукты, и пожилой глава встретил нас курицей с пирогами. Но даже это не стало утешением для впавшего в меланхолию Цурфлю, и он категорически отказался что-либо делать, кроме как ехать прямо домой. На Дых-Тау азарт довел все его силы и энергию до предела, и сейчас, когда эта вспышка погасла, он был полностью разбит. Ему, несомненно, было очень плохо, он выглядел просто как привидение, как еле заметный призрак самого себя. «Es gefällt mir nicht» – возможно и хорошая философия, однако приводит к состоянию тела, как у героев картин прерафаэлитов.

Перевод с английского *Сони Батраковой*
Корректорская и литературная правка *Екатерины Шклярук*

Санкт-Петербург

2017